

ПЕРВЫЙ ВО ВСЁМ

Когда этот номер верстался, пришло известие, что один из его авторов, Евгений Борисович Куркин – выдающийся специалист в области методологии социокультурной модернизации образования, педагог-новатор, реформатор образования, один из идеологов легендарного Временного научно-исследовательского коллектива «Школа», ведущий научный сотрудник Федерального института развития образования РАНХиГС – ушёл из жизни.

Уйти, чтобы вернуться

Одним из любимых авторов Евгения Борисовича Куркина был американский философ и педагог Джон Дьюи, исповедовавший «обучение посредством делания». Куркин цитировал его труды на память прямо среди разговора.

Просто давайте сравним. Идеи легендарного американского новатора были воплощены лишь, к сожалению, в одной, притом начальной школе при Чикагском университете. Проекты Евгения Куркина разворачивались на территории многих школ тюменского Урая. Впечатляет и результат. Выпускники этих школ массово шли в образование. Становились генераторами собственных блистательных педагогических экспериментов в соседних посёлках и городах.

Берусь утверждать, что в чистом виде нормативно-подушевое финансирование впервые в мире было налажено под руководством Евгения Куркина. Тогда

же, в советские годы. В тех же краях. Ребёнку в таёжном Урае позволялось не только выбирать себе клуб, кружок или урок в любой из 10 организаций города, но и уходить из него в процессе истинно свободного, то есть не ограниченного временем выбора. У Куркина ученик всегда, в любой момент, принадлежал только себе.

«Личность не есть нечто готовое, а формируется всякий раз, когда человек выбирает, как ему поступить», — доказывал с той стороны океана прагматик-инструменталист Джон Дьюи. Завгороно Евгений Куркин подтверждал эти слова мыслителя на языке реальной педагогики и экономики. «Одно из преимуществ такого подхода знаешь в чём? Учителя изменили отношение к своей работе: в этих условиях легко остаться без учеников!» — рассказывал мне Евгений Борисович в своём последнем и (Сказать ли? Никто всё равно не поверит...) единственном за всю жизнь интервью всего три месяца назад. В феврале 2020 г.

Такой скромности был он, проживший свой век пионером, в смысле — первым во всем. Первооткрывателем. Что бы ни делал, всё впервые.

Однажды обнаружил, что многие отстающие ученики принадлежат к физиологическому типу «сов»: во время занятий эти ленивцы ещё спят за партами. И создал первую в России «Школу для сов», где занятия начинались с одиннадцати часов дня.

Придумал образовательные путешествия по (только не вздрагивайте и не хмурьтесь) школам, где можно заводить себе иноземных друзей, учиться у альтернативных (иногородних) преподавателей. «Чем больше школьник путешествует по городам с их перепадами образовательных пространств, тем умнее он вырастет. Образование — это не охрана единого культурного пространства, а путешествие по нему», — таким видел он федеральный государственный образовательный стандарт XXI века.

В 1991 году у молодого российского государства не было денег, чтобы профинансировать издание единого советского учебника, этого общепризнанного достижения социализма. Евгению Куркину, тогда заместителю министра образования РФ, выпала горькая доля готовить решение, отменившее символ самого лучшего в мире образования. «Небо на землю не упало», — вспоминал Евгений Борисович, разрешивший регионам самостоятельно выбирать себе книги в рамках бюджетов и собственных взглядов на общественную миссию школы.

В трудные дни, когда его доброе имя было поставлено кем-то под вопрос (близкие знают, о чём идёт речь), он не стал нанимать адвоката, а сам стал себе юристом. И выиграл суд... у государства. Умел защищать себя сам.

Очерк в январской 1987 г. книжке «Знамени», после которого он проснулся знаменитым, назывался «Уйти, чтобы вернуться».

Возвращайтесь, Евгений Борисович!

*Антон Зверев,
ведущий специалист Центра общественных
связей РАНХиГС*

Мой друг, Евгений Куркин

Случилось непоправимое. Ушёл мой старый товарищ Евгений Борисович Куркин. В последнее время мы часто общались — по телефону. Не только из-за пандемии. Просто пришло такое время — дистантное. Ну, хотя бы не по емэйлу, не эсэмэсками. Когда слышишь человеческий голос — совсем другое, чем короткие письма-записки с отсрочкой ответа получателя. А тут как бы не прерывается. Вот прервалось.

Мы познакомились в перестройку. Но до этого я прочитал в журнале «Знамя» статью некоего человека из украинского города Харьков, молодого заведующего гороро, который отважился собственными руками вытащить из-под себя кресло. Замахнулся на систему и сказал вслух, попробовал опрокинуть эту многоярусную пустотелую — внутри же ничего нет — «пирамиду Хеопса», как назвал он систему государственного управления. Всю эту псевдопедагогическую вертикаль, от района до самого верха.

Статья, с глубокой аналитикой, в литературном отношении была блестящей — знаменитый Симон Соловейчик назвал её вершиной педагогической публицистики. Сравнил, кажется, с «Педагогической поэмой» Макаренко. А я, когда читал, видел Шацкого и моего учителя Костяшкина. В отличие от мёртвого школоведения, у Куркина школьная организация оживала, в ней двигались дети, мальчики и девочки разного возраста и интересов, родители, учителя, управленцы... И это было совершенно другое управление.

Я думаю, Куркин уже тогда был в ряду классиков, занимал в нём особенное, редчайшее, никем не заменимое место. Помнится, в газете я назвал его «чиновником-новатором» (он смеялся).

Эксперименты в управлении система не прощает. Куркина с треском сняли. Какое-то время он работал директором

школы, переехав с семьёй под Тулу. А потом, уже в самом разгаре перестройки, заявил на страницах «Учительской газеты»: «Прошу разрешить эксперимент».

Время было такое, сумасшедшее. Раздался звонок секретаря горкома партии сибирского города: «Евгений Борисович, приезжайте». И он переехал, и начал эксперимент в городе Урай, в Тюменской области. Получил зелёный свет, официальное разрешение и поддержку председателя Совета министров Николая Ивановича Рыжкова (пробрался к нему в кабинет и убедил).

Так Куркин стал генеральным директором того, чему аналогов в истории, кажется, до него не было. Уходившая в небеса командная вертикаль легла на землю и была трансформирована в самоуправляющуюся горизонталь НППО — научно-производственно-педагогического объединения, модели «города-воспитателя». В Урае в него вошли школы — обычные и спортивно-музыкально-художественные, профучилище, завод местной промышленности, магазин... Дети пробовали, переходили из одной сферы деятельности в другую, а учителя и наставники помогали найти себя. Никаких вертикальных органов и посредников не было, объединение имело прямой выход на республику, а управлял всем совет представителей входивших в объединение организаций, включая школьников-старшеклассников.

Мечта сбывалась. Бюрократия, казалось, умирала. Возник невиданный всплеск внешкольного, дополнительного образования, становящегося основным. Вся картинка менялась.

Тогда я с Женей Куркиным и познакомился. Он приезжал из Урая в Москву в командировку и раз ночевал у меня в однокомнатной квартире.

Мы оказались с ним в одном ВНИКе — временном научно-исследовательском коллективе «Школа», в котором собрались тогда сливки образовательного общества — знаменитые педагоги-новаторы, опальные академики, деятели культуры, экономисты, и мы — молодые реформаторы, разрабатывавшие день и ночь под крышей председателя Государственного комите-

та по образованию Г.Н. Ягодина альтернативные пути развития школы.

Тогда всё было возможно. Один из нас, руководитель этого уникального коллектива, Эдуард Днепров, подал на выборы и вдруг стал министром образования России, и мы пошли в министерскую команду. Куркина уговорили временно передать начатый эксперимент другим и стать замом министра.

Какое широкое поле открывалось нам. И как мы бездарно его профукали... Как всё в стране, песня была недолгой.

Но и потом Куркин делал дело. Был главным редактором издательства «Педагогика-Пресс» и за несколько лет успел выпустить уникальные, зачитанные теперь до дыр «Энциклопедии для юношества», замечательные книги... Вернулся в школу, вёл проекты, разрабатывал и проверял на практике модели начальной, подростковой, старшей школы, непохожей на сегодняшнюю (она из будущего). Защитился, стал научным сотрудником ФИРО РАНХИГС, сам написал немало книг. И в книгах тоже выступал непохожим автором, новатором.

Прочтите их, пожалуйста. Может быть, вы откроете новое имя в педагогике. Старое — новое. Мы так редко читаем и интересуемся друг другом и часто не отдаём себе отчёта, кто находится среди нас, с нами рядом. Не осознаём масштаба и глубины личности, оставленных ею деяний.

Он был историком по образованию и многое видел по-другому, из исторической дали. Был оптимистом и совершал усилия, прерванные самым могучим, всемогущим бюрократом на свете, который неумолим и дожидается своего часа.

Вот он пробил для Жени Куркина. Я бы хотел, чтобы мы его не забыли.

Анатолий Цирульников